

церковных условий в конце XII в. и в начале XIII получают свое естественное объяснение те факты русского влияния на южнославянскую литературу, на которые обратил внимание М. Н. Сперанский в своей прекрасной и открывающей широкие перспективы работе о взаимоотношениях русской и южнославянских литератур.¹³⁷ М. Н. Сперанский привел 10 русских оригинальных произведений, попавших в южнославянские списки, затем 8 греческих, которые вошли в южнославянскую письменность через посредство переводов, выполненных на Руси, и несколько южнославянских рукописей от конца XII до XIV в., которые содержат русизмы в языке и, следовательно, переписаны с русских оригиналов. На основании этого М. Н. Сперанский пришел к заключению, что в первые века своего существования русская литература не только принимала свое богатство от болгар, но и со своей стороны многое из своих культурных сокровищ передала балканским славянам.

Что касается южнославянских текстов Пролога, в которых уже А. Х. Востоков в 1842 г. (в рукописи Румянцевского музея) нашел очевидные русизмы (выражение «глазатые») и которые, по мнению А. И. Соболевского, возникли на основе перевода, сделанного на Руси,¹³⁸ то М. Н. Сперанский в данной статье высказал гипотезу (его собственное выражение) о том, что это произведение является не вполне русским, а представляет плод совместного труда нескольких переводчиков славян, среди которых был и русский. Этот совместный труд был выполнен в начале XII в. там, где русские и южные славяне могли работать совместно, вероятно в Царьграде или на Святой Горе.¹³⁹ В моей работе о славянском Прологе я пришел к выводу о необходимости отказаться от этой гипотезы и вернулся к воззрению А. И. Соболевского,¹⁴⁰ что перевод древней редакции греческого Пролога и его пополнение русскими статьями выполнены на Руси, откуда он в конце XII в. перешел на Балканы, где развивался в параллельных болгарской и сербской редакциях, пополнявших первоначальный текст своими статьями.¹⁴¹

В этой же статье о Прологе я попытался точнее определить хронологические рамки указанных М. Н. Сперанским фактов перехода русских литературных произведений в южнославянские литературы, найти синхронистическую связь этих явлений с другими культурно-историческими фактами в области русско-южнославянских связей, восстановить ту историческую обстановку, которая в течение средних веков могла открыть возможности для русского влияния на Балканы. Такой период действительно намечается в промежутке между освобождением балканских славян от византийского ига в конце XII в. и серединой XIII в., когда на Руси наступает эпоха татарского ига, а культурная ориентация южных славян

¹³⁷ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 7—54.

¹³⁸ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 176.

¹³⁹ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 36—42.

¹⁴⁰ В. Мошин. Славенска редакција Пролога Константина Мокисијског у светлости византијско-славенских односа XII—XIII в., стр. 182—190. При составлении настоящей статьи, основные положения которой определялись для меня уже в 1954 г. в связи с изучением истории славянского Пролога (они резюмированы в докладе о Прологе на X византологическом съезде в Стамбуле в 1955 г.), мне осталась неизвестной ценная работа Б. Ангелова «Из историята на руското книжноно проникноване у нас (XI—XIV в.)» («Известия на Института за Българска литература, т. III, София, 1955, стр. 37—65»), где автор, следуя за Сперанским, на базе болгарского материала приходит к ряду заключений, сходных с моими.

¹⁴¹ К воззрению А. И. Соболевского вернулся и Н. Дурново (Введение в историю русского языка. Брно, 1927, стг. 42—43, 78).